

Ин Цзинвэнь в сопровождении евнуха Цзиньюня и Вэй Гуана прождал в главном зале довольно долго. Горячий чай в его чашке сменили дважды, прежде чем до слуха донеслись тяжёлые шаги.

В поместье хоу Цзибэй больше не осталось колокольчиков — сняли все до единого.

«Это мой любимый колокольчик, дарю его тебе».

То, что Ин Сыинь с самого детства берёт как зеницу ока, теперь бесследно исчезло.

Когда-то этот колокольчик принадлежал Ин Цзинвэню, и тот сам отдал его младшему брату. Мальчишки вместе росли, вместе играли, облазили все декоративные горки и прыгали в пруды — были теми ещё сорванцами. Потом колокольчик потерялся. Никто не знал ни когда, ни где именно, но Ин Сыинь тогда едва с ума не сошёл, обыскивая весь дворец.

«Ничего страшного, это всего лишь вещь. Если они тебе так нравятся, я подарю тебе ещё много-много».

Ин Цзинвэнь с детства был в фаворе. И он сам, и его мать пользовались безграничной любовью императора. Чтобы сделать колокольчик, ему было достаточно бросить слово мастерам из Ремесленной палаты. И в тот же вечер Ин Сыиню доставили целый сундук.

Когда он ещё был принцем и жил в Имперской столице, он развесил эти колокольчики по всему дворцу. Каждая комната была ими наполнена. Весь город знал о страсти Седьмого принца, а когда Сыинь обрёл власть, его пристрастие стало и вовсе нарочитым. Кони, паланкины, кареты и даже крыши домов — всё звенело серебром. Казалось, он готов был обвешаться ими с ног до головы.

Но почему теперь он приказал их снять?

— Цзинвэнь пришёл...

Не «Четвёртый брат», не «Ваше Величество» — Ин Сыинь с ходу назвал его по имени. Никто в зале не посмел возразить против такой дерзости. Даже вечно язвительный евнух Цзиньюнь лишь покорно склонил голову, не смея поднять глаз.

Для Ин Сыиня лишить человека жизни — дело одного движения руки.

Он небрежно встряхнул рукава и опустился в кресло рядом с братом. Он улыбался, будто последних шести лет изнурительной болезни и бесконечных мучений никогда и не было.

Стоило хоу сесть, как служанка тут же поднесла ему чашку горячего чая.

— Тебе уже лучше, седьмой брат? — Ин Цзинвэнь не выказал гнева, лишь с улыбкой посмотрел на него.

— Как перестал пить ту дрянь, что присылали из дворца, так наш господин сразу и бегать начал, и прыгать, и даже за другими ухаживать, — подал голос Гу Цзэсяо. Он явно осмелел на фоне того, как росло влияние Шэнь Цинханя в доме. Фыркнув, тот спрятался за спину господина.

— Тебе было нехорошо, почему же ты внезапно бросил лекарства?

— Жить расхотелось, вот и бросил.

— Ты не в духе? Почему стал так холоден с братом? — Ин Цзинвэнь легонько постучал пальцами по крышке чашки. — Может, здесь слишком много людей? Они мешают нам вспомнить былое.

Намёк на то, что пора бы всем удалиться, был прозрачным.

Старый дворецкий и Гу Цзэсяо синхронно подняли головы. Они выглядели встревоженными. Ин Сыинь был хорош во всём, кроме одного: стоило появиться определённому человеку, как он становился непозволительно мягким. Он был из тех, кто ради «красавца в постели» мог в один миг забыть все прежние планы.

Типичный «владыка, бросивший империю ради любви». Случаи, когда этот коварный хоу сначала впадал в ярость, а потом таял от ласки, уже бывали. А потому уходить сейчас никак нельзя. Переглянувшись, оба твёрдо решили остаться.

— Ступайте все. Я поговорю с четвёртым братом наедине.

Что?..

Даже не задумался? Так быстро?

— Хоу Сяовэнь отдал приказ. Прошу вас, господа, следуйте за мной, — никто не чувствовал момент лучше евнуха Цзиньюня. Он первым направился к выходу, увлекая за собой Вэй Гуана. Брошенная через плечо фраза прозвучала так, будто он уже распоряжается здесь как хозяин.

Гу Цзэсяо в отчаянии притопнул ногой. Обычно его раздражал Шэнь Цинхань, но сейчас он мысленно взывал к нему: «Где же носит этого лисёнка? Когда он так нужен, его и след простыл!»

— Беда! Беда! Снаружи снова драка!

Не успел он закончить мысль, как на сцену явился Шэнь Цинхань — вернее, весть о нём. Гу Цзэсяо уже знал: если слуги в поместье носятся в такой панике, значит, дело точно касается их «неземной красоты» господина Шэня.

— Молодой господин вернулся? — дворецкий и Гу Цзэсяо хором спросили об этом, глядя на Ин Сыиня. Тот предсказуемо вскинул брови.

— Раз вернулся, пусть входит. Кто это там такой смелый, что решил поднять на него руку? — в голосе Сыиня не было и тени гнева, только безграничная снисходительность и нежность.

Ин Цзинвэнь поднял взгляд на брата. Он был поражён: этой искры в глазах, этой мягкой улыбки тот не видел долгих шесть лет.

— Это... это люди из Имперской столицы, — заикаясь, произнёс посыльный, косясь на императора. — Они не пускают господина Шэня, а мы не можем их остановить. Хоу, посмотрите сами!

— Всего лишь стычка между слугами, и ради этого седьмому брату нужно идти самому? — вкрадчиво спросил Ин Цзинвэнь. — Неужели в поместье хоу Цзибэй больше некому навести порядок?

— Брат Цинхань вовсе не слуга. Он теперь для нашего хоу и сокровище бесценное, и отрада сердца, — выпалил Гу Цзэсяо, не боясь наказания. — Господин, лучше идите скорее. Если брат Цинхань разгневаётся, вам вечером снова придётся на коленях прощения просить.

— И правда, хоу, Шэнь Цинхань в последние дни и так не в духе, — поддакнул дворецкий.

Впрочем, Шэнь Цинханя в добром расположении духа никто и никогда не видел. Казалось, он рождён без умения улыбаться. А если и улыбался, то лишь холодно или презрительно — так, что сердце у свидетелей замирало.

Ин Цзинвэнь прекрасно осознавал, сколько зла он причинил брату. Он знал, что в поместье его ненавидят. Раньше Ин Сыинь ловил каждое его слово, готов был принять от него и яд, и нож. Если бы Ин Цзинвэнь протянул ему клинок, тот, не колеблясь, вонзил бы его себе в грудь.

Поэтому теперь Ин Цзинвэнь не мог поверить чужим рассказам о том, как Сыинь дорожит этим Шэнь Цинханем. Он должен был увидеть это сам. Тот не верил, что человек, любивший его больше собственной жизни, может в одночасье просто перестать любить.

— Не в духе... Прощения просить... — Ин Цзинвэнь в упор посмотрел на брата. В его тоне промелькнуло недовольство, смешанное с упрёком и... ревностью.

— У юноши, которого я привёл в дом, непростой характер, — ответил Ин Сыинь. Голос его

звучал обыденно, будто в этом не было ничего странного. — Весь день его ублажаешь, всю ночь утешаешь, и конца-края этому не видно.

Он сокрушённо покачал головой.

— Господин сам его привёл, самому и ублажать, — Гу Цзэсяо продолжал дразнить Ин Цзинвэня. Он знал, почему хоу не двигается с места. Вовсе не из безразличия, а потому что был уверен: жалкая стража императора — не ровня Шэнь Цинханю.

Пусть Цинхань и пасовал перед самым Ин Сынием, но тот был уникальным мастером. Во всей Поднебесной не нашлось бы и пары человек, способных выстоять против него. А Цинхань был лучшим среди молодого поколения Куньлуня. Его таланты не были пустой славой. Избить Гу Цзэсяо для него не составляло труда, что уж говорить об обычных гвардейцах.

И действительно, не успели они договорить, как по залу пронёсся ледяной сквозняк.

Никто не успел заметить, как тело гвардейца в чёрном влетело в помещение. Он рухнул прямо к ногам Ин Цзинвэня. Из рта его текла кровь, он прижал пальцы к груди, глаза закатились. Он испустил дух мгновенно.

Сапоги Шэнь Цинханя были безупречно чистыми. Держа меч в руке, он с мрачным видом вошёл в зал.

Ин Сыинь, на чьём счету были тысячи жизней, почему-то не любил вида крови в своём доме. Глядя на расплывающуюся лужу, он не произнёс ни слова упрёка, лишь вздохнул и мягко распорядился:

— Что застыли? Живо уберите здесь всё.

Даже не рассердился?

Вэй Гуан не успел среагировать, но евнух Цзиньюнь и император были в шоке. Ин Цзинвэнь слишком хорошо помнил, в какую ярость раньше впадал Сыинь от подобных выходок.

— Кто это? Как смеешь ты врываться к Его Величеству! Пади ниц и моли о пощаде!

Аура Шэнь Цинханя была слишком давящей, а его решительный шаг — угрожающим. Вэй Гуан, привыкший защищать императора, инстинктивно обнажил меч. Но не успел клинок коснуться воздуха, как в запястье стража ударил тяжёлый предмет. Меч со звоном упал на пол, а фарфоровая чашка, послужившая снарядом, разлетелась вдребезги.

Ин Цзинвэнь обернулся и увидел, что чашки на столике Ин Сыиня больше нет.

— Цинхань, почему ты сегодня так рано? — Сыинь улыбнулся. Он смотрел на вошедшего как на сошедшее с небес божество.

Удар пришёлся Вэй Гуану прямо по кости. Он схватился за запястье, поморщившись от боли. Он не смел закричать в присутствии господ, боясь за свою жизнь, и лишь обливался холодным потом.

— Белый день, а ты заперся в собственном доме и выставил псов у ворот? — Шэнь Цинхань будто и не слышал слов об императоре, не заметил ни Ин Цзинвэня, ни евнуха. С мечом в одной руке и книгой в другой, он подошёл и сел прямо рядом с Ин Сыинем.

— М? — Ин Сыинь никого не выставлял, но, бросив быстрый взгляд на Ин Цзинвэня, не стал оправдываться.

— Виноват... — тихо прошептал он, забирая книгу из рук юноши. — Где мы остановились?

— На двадцать седьмой странице.

Ин Цзинвэнь смотрел на эту вопиющую идиллию, и он помрачнел от гнева.

Шэнь Цинхань был невероятно красив. А у Ин Сыиня была одна слабость: он обожал красивое. Обожал до безумия. Даже если бы император встретил Цинханя случайно в толпе, у него возникла бы та же мысль, что и у Сыма Вэйхоу.

«Этот юноша... Он словно создан воплощением всех тайных желаний Ин Сыиня».

<http://bllate.org/book/17523/1658699>